

Вероника ВОРОНИНА

г. Люберцы, Московская область

«СВИВАЯ ОБЕ ПОЛЫ СЕГО ВРЕМЕНИ»

*Старина стародавняя,
Былина быль досельная,
Морю на утишенье,
Добрым людям на послушанье¹.*

Поморы – жители Беломорского побережья – более всего чтут море и слово. Море Студёное, «Гандвик – море песенное». К нему обращаются «батюшко море, кормилец», его нельзя ругать. О нём говорят: «Развеличилось», «Море-моряшко любое наше».

А образность речи ценится в Поморье так высоко, что, как пишет фольклорист и сказочник Борис Шергин², речь поморов и поморок «точно жемчуг падает на серебряное блюдо». Что уж говорить не о повседневных, будничных словах, а о тех, что наособицу: былинах, песнях, заговорах, молитвах! Слились в них великие силы магии и поэзии! Неудивительно, что многие обращены к морю.

Этнограф, исследовательница Русского Севера чудесная Ксения Гемп³ повествует о женских поморских напевах, плачах, причитаниях, сказываниях. Есть и «ожиданьница». Их поморки выпевают перед Белым морем, молясь ему, заговари-

вая и уговаривая вернуть любимых мужей, сыновей, отцов, ушедших на промысел.

С древнейших времён песня, голос, слово создают мост между «здесь» и «там», прошлым и будущим, проявленным и непроявленным, притягивают друг к другу бытие и небытие, «свивая обе полы сего времени», как выразился безымянный автор ещё одного изумительного по красоте текста – «Слова о полку Игореве». «Жемчужные» сказывания, плачи, напевы, «ожиданьница» поморок создают мост между теми, кто доверился ненадежному морю, и теми, кто остался дома.

*Море не кротее⁴, а затемнилось,
Ох, рванет полуношник⁵ нежеланный.
Встанет взводень⁶, зарыдат.
Да свистит полуношник, пылит по морю-океану.
Пену с гребня волны рвёт.(...)
Уймись ты, море Белое, студеное,
Почитаем тебя за кормильца нашего.
Жизни нашей нету без тебя.
Отвори ты, море Белое,
дорогу мужикам да сынам нашим.
Утешение дай нам, ожидающим⁷.*

В словах этих сила необычайная, настоящая заговорная магия!

А в плачах женщины горюют о тех, кого море взяло. Выходят поморки на берег и поют, «к камням припадаючи, к Студеному морю причитаючи»:

*Увы, увы, дитятко,
Поморской сын!
Ты был как кораблик белопарусной.
Как чаечка был белокрылая!
Как елиночка кудрявая!
Как вербочка весенняя!
Увы, увы, дитятко,
Поморской сын!
Белопарусный кораблик ушел за море,
Улетела чаица за синее.
И елиночка лежит порублена,
Весенняя вербушечка посечена.
Увы, увы, дитятко,
Поморской сын!⁸*

От напевов веет древностью, «давношним» временем. И при этом они как родник с живой водой, что пробивается через века. Ксения Гемп и Борис Шергин записывали жемчужное слово песенной «поморской говори» уже более ста лет назад – начиная с первых десятилетий прошлого века.

Поражает, потрясает не только сила слова, от которого рвётся сердце, но и тайна его передачи. В него, в это слово, даже пойманное бумагой и чернилами – без голоса, без звука, без напева, – ухаешь, как в колодец бездонный, и летишь, летишь... Куда?

Туда, где на угор – возвышенный берег моря – выходит женщина высматривать, не чернеет ли судёнышко, не белеет ли парус. Она то стоит на месте, то в тревоге ходит по угору, то присядет. Сильный порывистый ветер треплет её простую домотканую одежду. Воздух солёный и влажный. Серые тяжёлые волны бьются о камни.

Женщина, такая маленькая и ничтожная перед лицом стихии, «подымет на голос песню» – и поёт морю, говорит с ним, уговаривает его, успокаивает. И слова её – то молитва, то заговор, то былина, то заклинание.

*Высоко-высоко небо синее,
Широко-широко океан-море,
А мхи-болота и конца не знай
От нашей Двины, от архангельской...⁹*

А как примется поморка причитать с безудержным отчаянием, то распластывая руки в стороны, то с силой прижимая их к груди, то припадая к камням, плач её вонзается в сердце, как острая игла в края раны. Сплетаются слова, штопая оставленную смертью дыру. Свивая «тогда», когда взятый морем был ещё жив, и «сейчас», уже навсегда без него.

*Море ты наше неспокойное,
Кажинный год жизни забираешь,
Жён, матерей обездоливаешь,
Детушек малых сиротишь,
Невест радости лишаешь.
Горе несёшь неизбывное, печаль великую.
И что ты, ветер, спокой редко знаешь,
Как с полуночи задуеть, засвистишь,
Волну вздымаешь высокую, пеной пылишь.
Ох, и страшна волна морская,
Холодна, темна, солона волна глубинная.
Встанет выше мачты, шире паруса.
Нет ей удержу, утешения нет,
Не поставишь ей запрету,
Запрету не поставишь, не умолишь...¹⁰*

*Батюшко синее море,
С тобою живу, помираю,
В лютый день припадаю!
Услышь меня, синее море!¹¹*

А седое море слушает и слышит. И неизменно, неизменно отвечает ей, подпевает голосами множества труб. И разговор этот длится, не смолкает.

Читаешь все эти плачи, сказывания, «ожиданьца» и причитания, и в воображении начинают рождаться образы.

Женщина на берегу, которая видится внутренним зрением, – не конкретная поморка, а образ, песня-душа.

И как тут не подумать обо всех известных и неизвестных женщинах, ждавших и ждущих возвращения своих мужчин – не только с морского промысла, но и из похода, с войны.

Женская песня-душа говорит со стихиями – моря ли, как поморки и гомеровская Пенелопа (должно быть, и у неё было своё «ожиданьце», неведомое Гомеру); солнца ли, ветра и реки, как Ярославна в Путивле. Песня-душа то просит, то заклинает-заговаривает, то требует, то оплакивает, отпевает. Молится и за своих, и за чужих – за всех уходящих. Слово летит сквозь время, как стрела, из прошлого в будущее.

*Где вы, кормильцы наши, бьётесь с морем?
Одна надежда у вас – своя головушка да рученьки.
Все дороженьки морские знакомы вам.
Не раз горевали в погоду.
Не страшились ветра с полуночи.
Не боялись взводня морского.
Воды морской тяжелой, холодной, солоной.
Не погубит вас море наше Белое.
Не оставит сирот разнесчастными.
Не оставит и матерей бедовать.
Уймётся, откроет дорогу вам.
К дому родному, к теплу приведёт.
Море-моряшко любое наше, уймися¹².*

И как тут не подумать обо всех известных и неизвестных мужчинах, оставивших семьи, вольно или невольно, в силу нужды или трагических обстоятельств. Ушедших в море, в поход, на войну... Обо всех неисчислимых потерях...

В море могил нет. Оно все как одна большая братская могила. Борис Шергин даёт жуткий образ зимнего Гандвика: «Льдины – что гробы белые. И лезут они на берег, и стонут, и гремят. Жмёт их полуночник»¹³. Как есть царство смерти. А возвращение с рискованного промысла подобно возвращению с того света.

Песня-душа знает: именно женская магия ожиданий, заброшенных в море, подобно рыбацким сетям, раз за разом отнимала ушедших у смерти, возвращала их жизни. Как у Константина Симонова: «Ожиданием своим ты спасла меня». Ожидание – архаическая и повседневная магия жизни и смерти.

Подобно маяку, она открывает-показывает дорогу сбившимся с пути, потерянным и потерявшим себя. Кому домой, а кому – в дальний северный край, Гусиную землю, куда уходят души тех, кого море взяло. Кто-то же нуждается в том, чтобы увидеть свой жизненный путь, дорогу к самому себе. То, что должно уйти, – уходит, то, что должно вернуться, – возвращается. И открытие пути становится даром исцеления для тех, кто ушел, и тех, кто остался на берегу.

И мир откликается на песню: море светлеет и успокаивается, на горизонте появляется белый парус.

ПРЕДАНИЕ О БОЖЬЕЙ РЫБЕ

Моря и океаны, как рыбой, полнятся мифами и легендами. Щедро посеянные мореходами и жителями побережий, сказания и поверья живут своей жизнью между небом и землёй. Они ширятся, переплетаются, как водоросли, прорастая друг в друга, заполняя пробелы и пустоты, добавляя к логиям реальных морей логии морей легендарных.

Иудейская традиция сохранила предание о дивном доисторическом существе, «dag gadol» – библейской «большой рыбе», созданной Творцом ещё в один из первых дней творения мира с единственной целью: многие века спустя проглотить, а потом извергнуть пророка Иону. Она получила имя от самого Адама: «Рыба, которая проглотит Иону». А в русском синодальном переводе её назвали «китом».

На Белом море предание о ней соединилось с европейской легендой о Летучем Голландце и с литературной историей Моби Дика¹⁴.

Согласно преданию, кит получил вечную жизнь за то, что не навредил Ионе, сначала проглотив, а потом извергнув пророка обратно. И уже в относительно недавние по сравнению с библейскими времена – «всего лишь» лет триста назад – кит-Агасфер с «покрытой мохом лет седой спиной» заплыл в Ледовитый океан. По слухам, первыми его обнаружили норвежцы близ Гаммерфеста – самого северного города Европы, где море не замерзает благодаря теплым водам Гольфстрима.

Один китобойный капитан – «богоотступник», как отмечается в повествовании – немедленно вышел из гавани и поплыл за китом «в русские воды». Сказывают, что древнейшее существо на Земле заметили благодаря северному сиянию. Капитан, предвкушая богатую добычу, метнул гарпун и ранил кита. От боли тот так сильно ударил хвостом, что поднятые волны залили и погасили северное сияние!

И тут сверху послышался голос Николая Угодника: «Безумцы, как смели вы поднять руки на творенье, Богом хранимое до века!» Святой сурово наказал рыбаков за прегрешение: огромный кит второй раз – со времен пророка Ионы – покарал богоотступников и проглотил команду вместе с судном. Не зря еврейское слово «dag» – «рыба» – означает также и решение Небесного Суда, согласно которому душа отправляется в преисподнюю.

Когда кит проглотил судно, гигантские волны

успокоились, северное сияние снова зажглось. При его свете на воде появился призрак корабля с командой. Душам мореходов было назначено скитаться на своём «летучем голландце» между небом и землёй, преследуя кита. С тех пор парусник, видимый лишь при северном сиянии, встречаются временами моряки на всём протяжении от Нордкапа до Берингова пролива и Гренландии.

Но Бог милосерд, – заканчивает предание, – есть надежда, что экипаж будет помилован молитвами Николая Угодника, жалеющего даже нехристей.

А что же бедный кит? Хоть и бессмертное Божье чудо, инструмент Небесного Суда, а все же живое – в пространстве мифа – существо, пострадавшее от человека. Говорят, некоторое время назад одному старому морскому волку, ночью ловившему рыбу, удалось увидеть того кита. Рыбак свидетельствовал, что от веревки уцелел только обрывок, а сам гарпун почти стерло водой. Пройдёт еще каких-нибудь лет двести, и от раны следов не останется.

Интересно, а какими подробностями дополнится предание о большой рыбе ещё через пару веков? С какими легендами и сказаниями срастется-переплетётся? А то, что предание уцелеет, – несомненно. Мифы живучи, как бессмертный кит.

Примечания

- 1 Борис Шергин. «Отцово знание».
- 2 Борис Шергин. «Запечатлённая слава».
- 3 Ксения Гемп. «Сказ о Беломорье».
- 4 Кротеть – ослабевать, уменьшаться.
- 5 Полуношник – северо-восточный ветер.
- 6 Взводень – сильное волнение на море; крутая большая волна, крутой вал.
- 7 Гемп. Там же.
- 8 Борис Шергин. «Отцово знание».
- 9 Борис Шергин. «Двинская земля».
- 10 Ксения Гемп. «Сказ о Беломорье».
- 11 Борис Шергин. «Братанна».
- 12 Ксения Гемп. «Сказ о Беломорье».
- 13 Борис Шергин. «Новая земля».
- 14 Это северное сказание записал в 1894 году журналист и публицист Евгений Кочетов (Евгений Кочетов. «По Студёному морю...»).

Вероника ВОРОНИНА

родилась в Сарове Нижегородской области.

Окончила журфак МГУ.

Публиковалась в журналах «Север», «Нижний Новгород», «Дактиль», «Luterra Nova», альманахах «Земляки», «Царицын», коллективных сборниках издательства «Перископ-Волга» и др.

Дважды лауреат Международного конкурса

«Русский Гофман» (2023 и 2024),

III место Международного литературного

конкурса-фестиваля «Литкузница-2023»,

лауреат двух этапов III Международного

конкурса-фестиваля «Расскажи мне сказку-2023».

